

The image features a high-contrast, black and white graphic design. It depicts the profile of a human face, rendered in a solid black silhouette against a white background. The face is oriented towards the right. The central area of the face, where the eyes and nose would be, is cut out, creating a white space. This space is divided into two sections by a thin, vertical white line. The upper section contains the word "МОНОЛОГИ" in a bold, black, sans-serif font. The lower section contains the words "ПЕРЕД" and "ЗЕРКАЛОМ" stacked vertically, also in a bold, black, sans-serif font. The overall composition is symmetrical and minimalist.

МОНОЛОГИ

**ПЕРЕД
ЗЕРКАЛОМ**

12+

Виктор Владимирович Королев

Монологи перед зеркалом (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22072202

*Монологи перед зеркалом: Союз писателей; Новокузнецк; 2016
ISBN 978-5-00073-375-2*

Аннотация

«В жизни счастья нет. Может, есть покой и воля. А может, и воли нет. Всё суета сует. Порой бывает так страшно и одиноко, что и поговорить не с кем. Все заняты своим проблемами, все уверены, что их суета – самая главная и важная суета на свете. Не с кем поговорить, посоветоваться. А уж как хочется встретить старого-старого друга – жаль, что раньше у меня не было друзей...»

Содержание

«Ты напишешь другой рассказ...»	5
Жё тэм, мон шер...	12
Чай с малиновым вареньем	26
В первом отряде	32
Старый папин портсигар	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

В. В. Королев

Монологи перед зеркалом

*** * ***

© Королев В. В., Екатеринбург, 2016

© Рисунки Нина Соколова, Екатеринбург, 2016

© «Союз писателей», Новокузнецк, 2016

«Ты напишешь другой рассказ...»

Помнить себя я начал в три с половиной года. Не себя, конечно, а какие-то вещи, события – да и то обрывками, пятнами. Мы жили тогда в Москве, папа учился в военной академии, и мы снимали угол в огромной коммуналке на углу Мытной и Коровьева Вала.

Хозяйке комнаты Тамаре было под тридцать, и она мечтала выйти замуж. Верила: как наберется полная банка однокопеечных монет, так и выйдет. Папа отдавал ей плату за угол монетками, и когда мы уезжали, банка была уже полная. Но Тамара замуж так и не вышла: война не захотела делиться с ней женихами.

Угол – это родительская кровать, отгороженная старыми шторами. Под кроватью два чемодана – всё наше имущество. Да еще маленький белый радиоприемник, который папе с мамой подарили на годовщину свадьбы. Он стоял на Тамариной тумбочке. Там же, за стеклянными дверцами старой тумбочки, лежало наше с братом богатство – три книжки со стихами о вожде всех народов, сломанная игрушечная машинка, несколько стреляных гильз и менее значимая мелочь, типа белья и одежды.

Тамару я не помню. Давно нет уже ни её, ни моих родителей. А белый радиоприемник «Москвич» – это первое, с чего у меня начинается и Родина, и детство.

Мама сидела на полу возле тумбочки в каком-то колючем платье и слушала Левитана. Он говорил медленно и как-то глухо, подавленно. А потом мама зарыдала и стала кататься по полу. Я тоже ревел, гладил ее по жесткому платью и люто ненавидел белый радиоприемник, который заставил так горько плакать мою маму.

Спустя много лет папа рассказывал, как он со своими товарищами по академии решил идти прощаться с вождем народов. И прорвались – через все оцепления, через гигантский спрессованный клубок человеческих тел.

– Вот так под руки взяли друг друга, крепко сцепились и шли тараном. У входа в Колонный зал автоматчики пытались нас остановить, но мы вытащили пистолеты – все же в форме были, фронтовики – и нас пропустили. А вот как обратно шли, как снова прорывались, уже и не вспомню. Но повезло, в живых остались...

Брату моему тоже повезло. Он Сталина на первомайской демонстрации видел. И всю жизнь гордился этим. Однажды практиканток своих удивил:

– А я, девушки, Сталина живого видел!

Девчонки прониклись, а одна даже спросила участливо:

– А Ленина живого не видели?

...Еще помню из детства, как на кухне, где было несколько плит и стол для каждого из тридцати хозяев, взорвался газораспределительный щит. Мама как раз кормила меня творожниками. Когда бабахнуло, она, как щенка, схватила меня

за шкурку, и я мигом очутился во дворе. Во рту у меня торчал творожник. Я не смог его проглотить, даже когда с воем примчались пожарные машины. С тех пор творог не ем – ни в каком виде. Психологическая травма.

А потом я пошел в школу и в третьем классе написал свой первый рассказ. Про то, как пионеру Генке (я его выдумал, как и всё, что с ним произошло) однажды страшно повезло: его прокатил на настоящем самолете настоящий летчик, похожий на Валерия Чкалова. Двумя пальцами я отпечатал рассказ на папиной пишущей машинке и отослал в газету «Пионерская правда». У меня руки тряслись каждый раз, когда я доставал из почтового ящика свежие газеты. Но мой рассказ так и не напечатали. Через полтора месяца пришел ответ:

«Дорогой Витя! Мы получили твое письмо и были рады познакомиться. Очень хорошо, что ты пишешь рассказы, но в том рассказе, который ты прислал нам, много недостатков. В этом ничего страшного нет, ты же учишься только в третьем классе и еще многого не знаешь из того, что должен знать настоящий писатель. Верим, что ты напишешь другой рассказ, и он у тебя обязательно получится».

Судьба моя была решена. Я решил стать писателем. Настоящим. Писал заметки в школьные стенгазеты, отличался в сочинениях по литературе, сочинял стихи. Учителя ставили мне пятерки. Мама хвалила, ей нравилось читать посвященное ей:

Знаешь, мама, не все понятно,
Жизнь сложнее день ото дня —
Что-то просит приторно-сладко,
Что-то требует от меня.

Я бы мог, как Гамлет, замкнуться
Схоронив все свои мечты,
Через тысячу лет проснуться —
Но меня замучают сны.

Мне б смеяться в безумном вальсе
Или плакать без всяких причин,
Погибать в есенинском трансе,
Понимать, что в мире один.

Открываются карты дорогой,
Предвещают казенный дом.
Ты на них не смотри с тревогой —
Пусть валяются под столом.

Ну, о чем ты задумалась, мама?
Все в порядке, и я – твой сын...
Только мало мне этого, мало —
Я хочу быть сыном большим.

Слушать всё, что понятно многим,
И по-своему всё понимать,
Помечтать в теплоте о дороге,

Иль совсем ни о чем не мечтать.

Знаешь, мама, не всё так просто,
Как казалось на первый взгляд,
По дороге неровной и острой
Пробиваюсь за шагом шаг.

Я не знаю, куда дорога,
Я не знаю, зачем она,
Почему на сердце тревога,
И душа тоскою полна...

Обо мне ты не думай, мама,
Видишь, я держусь молодцом.
Я хочу, чтобы ты поругала
И погладила нежно лицо.

Ну, о чем ты задумалась, мама?
Всё в порядке – и я твой сын...
Только мало мне этого, мало —
Я хочу быть сыном большим.

И этой своей детской болезнью я мучился еще лет десять. Члены Союза писателей СССР для меня были просто небожителями.

Однажды в Хабаровске, уже после окончания университета, друг познакомил меня с настоящим писателем, членом Союза. На его визитке так и было написано – Михаил Бе-

лов, член СП СССР. Честно признаться, такого писателя я не знал, и мне было стыдно. С утра пошел в городскую библиотеку и попросил все книги этого писателя. Мне дали только одну – других у Белова не оказалось. Не помню названия книги, но начиналась она такой фразой: «Наш звездолёт приближался к Хабаровскому космопорту». Дальше я читать не стал...

Много позже нашел у Сергея Довлатова: «Бог дал мне именно то, о чем я всю жизнь просил. Он сделал меня рядовым литератором. Став им, я убедился, что претендую на большее. Но было поздно. У Бога добавки не просят».

Одно время я работал в маленькой городской газете. Нас в комнате было пятеро. Молодые, талантливые и жутко амбициозные. Каждый мечтал стать писателем. И, что интересно, все пятеро – стали!

Один, Юрий Шумицкий, пешком прошел всю страну от Владивостока до Калининграда. Пар двенадцать башмаков износил. На подходе к Москве его встречало центральное телевидение и мэтр советской журналистики Василий Песков. «Юра, – посоветовал мэтр, – ты должен написать книгу о том, как ты шел».

Юра назвал свою книгу «Так я шел». Через полгода он привез рукопись в столицу и неделю жил в гостинице, ожидая реакции мэтра и раздавая девчонкам автографы. Василий Песков вскоре отозвался: «Эх, Юра, я думал, ты напишешь про нашу необъятную страну, а ты все свои обиды на

друзей просто в кучу собрал...»

Впрочем, вернемся в детство, откуда все родом. В 1956 году мой папа окончил академию, и его направили на Урал. Сначала, правда, хотели в академию Генштаба, чтобы папа там выучился «на генерала». Тогда по одному человеку с каждого факультета без экзаменов зачисляли, естественно, из фронтовиков. У папы средний балл по диплому оказался лучшим на курсе, вот начальство и предложило ему дальше учиться в Москве. Но вечером к нам пришел один папин однокурсник и прямо с порога бухнулся маме в ноги.

– Анечка! – плакал он. – Пусть Володя откажется в мою пользу, пусть напишет рапорт, что не хочет дальше учиться!

Папа стоял у кровати бледный и молча смотрел на своего товарища. Потом тихо сказал: «Пошёл вон!»

Лет через двадцать он встретил случайно этого своего бывшего друга: идет такой лихой генерал, папу увидел, на другую сторону улицы перебежал, ломая кусты.

Может, и к лучшему, что мой папа не стал генералом. Политрук – это совсем другое дело. Генерал людей в атаку посылает, а политрук ведет, вот и вся меж ними разница.

Итак, папу после академии послали на Урал, и мы оказались в маленьком городе по имени Камышлов.

Жё тэм, мон шер...

Она проснулась от счастья, которое переполнило ее до краев и стало проситься наружу. Ей приснился Алексей. Только почему-то он был не в мундире, а в исподнем. Она улыбнулась, благодаря Бога за такой подарок, привычным движением нащупала под кроватью тапки и легко встала. Долго не могла понять, что же переменилось в ее девичьей комнате. Потом поняла: она сама. Ей восемнадцать, и в субботу у Ипатьевых бал. Папенька повезет ее в Екатеринбург по железке первым классом. На балу Алёша должен сказать ей самые главные слова. Во время вальса он шепнет ей: «На святцы...» Это значит – сваты приедут по первому снегу. Если она не согласна, сделает вид, что не расслышала. Если согласна, должна ответить «будем ждать», так они договорились. Алёша не знал, какой будет ответ. А она еще вчера придумала, что скажет ему по-французски: «Жё тэм, мон шер...» То-то он удивится!

В доме еще все спали. Слышно было, как храпит папенька в дальней комнате. Они с маменькой тоже согласны на этот брак. «Лучшей партии не придумаешь», – так прямо и сказали вчера за вечерним чаем.

У порога Ольга решила примерить новые туфли из черного атласа. Сунула босые ноги – как раз. Не снимая обновки, толкнула от себя дверь, вприпрыжку сбежала с крыльца во

двор и – зажмурилась. За углом дома, в котором жила дворня, стоял Алёша и, улыбаясь, смотрел на нее.

Ольга сосчитала до пяти и снова открыла глаза: Алёша стоял совсем рядом. Только одет он был почему-то, как дворня, – в нижней рубаше и в каких-то коротких синих штанах, прямо как из ее ночного сна. Он поманил ее, и она пошла к нему, протянув навстречу руки и не замечая, что лицо ее уже мокро от теплых счастливых слез, и лицо, и шея мокрая, и руки, и даже ноги. «Жё тэм!» – засмеялась Ольга на весь мир и закружилась в вальсе...

...Я проснулся от счастья, которое переполнило меня. Каникулы! Мигом вскочил и прямо как был, в синих трусах и майке, помчался на двор. «Рубашку надень, не лето еще!» – крикнула мне из кухни мама.

Лето, лето, мам, смотри, как хорошо! Солнце бьет в глаза. Пахнет пылью и клеем тополиных листьев. Тишина. И никого еще. Кроме бабки Ольги, которая, смешно переставляя желтые ноги, тяжело сползла с крыльца, по-лошадиному описалась стоя и теперь тупо жмурилась на солнце. Она стояла в длинной ночной рубашке с мокрым подолом, в старых черных калошах и что-то шептала, шамкая губами.

Бабка Оля у нас по жизни чокнутая. Взрослые говорили, что она купеческая дочь, и до революции весь наш двор принадлежал ей, и соседние дома, и еще с десятков магазинов в городе. Что она запросто говорит по-французски и еще по какому-то. На самом деле она вообще говорить не умеет,

молчит либо твердит свое заклинанье. А с ума тронулась, когда ее арестовали. Родителей ее уже никто не помнил, но утверждали, что богаче никого в Камышлове не было. Хотя фабрикантов и купцов здесь было полно, богатый город. Не случайно Колчак его хотел сделать своей полевой ставкой. Только потом белые ушли, пришли наши, и бабушку арестовали, посадили в кутузку.

А дальше взрослые о чем-то шептались уже без нас. Вроде как бабушку там сильно пытали. Как – уж не знаю, но выпустили ее по телу здоровой, ничего ей в ЧК не сломали. Бегает шустро, только успевай уворачиваться. Догонит – прижмет, аж кости затрещат, один раз я попался, больше не хочу и дразню ее теперь издали. А если не догонит – встанет посреди двора и кружится, руки растопырив и бормоча под нос не по-нашему всегда одно и то же, словно заклинает кого.

Во – и сейчас! Я только пальцем ей погрозил, как она заржала дико и, раскинув руки, стала меня ловить. Ну уж фигу! Я мигом перелез через палисадник, а она плаксиво наступила и затянула свое непонятное: «Жё тэм, мон шер...»

У нас в городе полно достопримечательностей разных. Во дворе – чокнутая бабка. На нашей улице – Банная канавка и телевизор у Казачинских. Прямо через дорогу – огромный дворец культуры. Такого нет нигде, как сказал папа. Он смеялся захлеб и повторял: «До этого надо же додуматься – сорок лет-то римскими не так пишется, ха-ха-ха-ха!» На фасаде ДК было выложено четыре буквы Х – сорок лет Октябрю.

Открыть дворец собирались осенью, к ноябрьским праздникам.

В центре тоже достопримечательность – улица Ленина, на которой в два ряда плотно стоят лабазы-магазины. И с любого места видно Уральские горы – сине-зеленые, такие близкие. По Ленину спускаешься – и река Пышма, куда мы ходим купаться. Город наш как раз на обрыве стоит. Ему триста лет. Раньше здесь был острог, крепость, которую никто не мог взять – нам в музее рассказывали. Стоит себе, башни, стены, с одной стороны река, с трех других – глубокий ров. Не подберешься, а если даже и заберется кто на кручу, так под стенами ровными рядами лежат бревна с острующими концами, тронешь – они и посыпятся с обрыва, сбивая всех. Не взять наш город никакому неприятелю, абсолютно неприступный. Емелька Пугачев пытался, пришлось ему стороной обходить Камышлов. А что белые взяли, так они на бронепоезде приехали и со стороны станции вошли без боя.

Еще в центре есть музыкальная школа. С нашей улицы только Танька ходит в музыкалку. Она отличница, учится играть на пианино и вечно задирает нос. Хотя красивая. Я ей так и сказал после торжественной линейки. А она фыркнула на меня и убежала, с тех пор не разговаривает. На следующий год ни за что с ней не сяду за одну парту. А может, помиримся. Она вон за забором песню поет. Про грачей, которые на крыльях принесли весну. Знаю я эту песню. И знаю, что для меня поет, задавака. Дура Танька еще не знает, что

пройдет десять лет, и мы поженимся.

– Таньк, пойдём купаться?

Делает вид, что не слышит, только громче поет. Сейчас вот Надежка с Аньчей выйдут, и с ними пойдём. Мы вчера прямо с последнего урока ушли купаться. Так здорово – хлопнешь наволочкой по воде, пузырь надуется, ухватишь его снизу рукой и плывешь по течению, слушая, как наволочка шипит, выпуская потихоньку воздух.

Из наших только мой старший брат Юра плавать умеет, и то у берега. Но вчера он с нами не ходил – и много потерял. Мы видели, как рыбу сетями ловят. Девчонки первыми их увидели, позвали нас с Серегой: «Айда сюда скорее!» Девочки купались от нас отдельно. Обе были в мужских майках, которые заменяли им купальники. На груди у Аньчи майка прилипла к телу, выставив наружу два симметричных белых чирья.

Рыбаки уже вытаскивали сеть на берег, тянули изо всех сил. Тот, что был на лодке, – с одного конца, другой – с другого. И кидали рыбу прямо на берег, в траву. Рыбки были круглые, ровненькие, серебристые, высоко подскакивали, выгибаясь дугой, и мне казалось, что они пытаются допрыгнуть до воды.

Самого большого карася я взял в руки. Он забился так, что я едва удержал его. Жабры его растопырились, царапая мне ладошки. А толстые губы сложились бантиком и свистели едва слышно: пи-иить.

– Что, пионер, рыбку жалко? А ведь это не твоё!

Дяденька за спиной подошел незаметно и сурово глядел на меня сверху вниз. Второй крикнул ему от лодки:

– А ты камнем его по башке – и всё делов!

У меня аж в глазах все потемнело, как представил, что взрослый дяденька со всего размаху ударит меня по затылку камнем. Стало дико больно, и почему-то сразу отнялись ноги. А дядька хмыкнул довольно, вырвал из рук моего карасика и ахнул по нему булыжником. «Не нааа-даа», – только и успел я выдохнуть из себя. Дядька бросил карася в ведро и сказал:

– Вот как надо – понял, пионер? Всегда так делай! Будь готов!

Дома я не стал никому рассказывать об этом, хотя затылок болел еще долго. Мы поиграли в волейбол новой камерой с Надежкой и Аньчей. Таньки Казачинской не было видно за забором, да она и редко заходила к нам. Задавак мы не берем в компанию. Хотя они однажды пригласили нас на телевизор. Так здорово – люди двигаются, как живые! И все через аквариум такой смотришь, куда можно запустить гуппёшек или красных меченосцев, вот бы красиво было: и картинки живые с людьми, и рыбки плавают!..

Бабка Ольга куда-то исчезла, зато вышел Серега Терещенко с огромным куском красного арбуза. Он смотрел на меня в упор и кусал, смачно всасывая в себя воздух и сладкий сок. Просить у него было бесполезно. Серегин отец работал

на станции осмотрщиком вагонов и каждый вечер приносил домой что-нибудь. Где только брал? Серега с гордостью говорил: «Из рефери-жираторов». Я от него услышал это слово. И колбасу приносил, и масло, и жиру всякого, даже арбузы в конце мая – во живут! Серега никогда ни с кем не делился. Либо молча жрал, либо сразу предупреждал: «Сорок один – ем один».

Беднее всех жили Аньча с Надежкой. Совсем бедно. Отец у них умер или не было его вовсе, а была баушка, которую так и звали – Баушка. Она единственная знала правду про чокнутую Ольгу, потому что служила у ее родителей еще до революции. От Баушки-то мы и узнали про клад. Точнее, узнал мой брат Юра. Будто бы сумасшедшая старуха была в молодости красавицей и единственной наследницей, и в ЧК ее пытали, чтоб она сказала, где зарыто золото, а она ничего не сказала, хотя знала, что отец закопал всё богатство где-то во дворе.

На огородах по весне у нас часто находили клады. В смысле, не у нас, а в городе. Нынче вот Колька Зайцев с улицы Свердлова выкопал целый сундучок – доверху набит был керенками. Отец его сундучок забрал, а деньги Кольке отдал. Потом до конца четверти мы с ним менялись на фантики. Штыки находили трехгранные, затворы ржавые от винтовок. Я ж говорю, что Камышлов – самый лучший город на земле. Но чтоб клад с бриллиантами и золотом – нет, такого не бывало, никто не слышал. И никто Юре не поверил.

Мы с братом дрались часто. Он был сильнее меня и дрался по-взрослому, кулаком снизу в подбородок. Я не хотел уступить и, как мог, мстил ему. Однажды утром вытащил у него из портфеля все ручки и карандаши. Брат принес из школы двойку по рисованию, а меня наказали. Это весной было, а сейчас уже, считай, лето...

Серый доел свой арбуз и вытер руки о штаны:

– Слышал, что Юранда твой брешет? Клад-то – под вашим домом!

– Да ну?! Врёеешь!

– Чего мне врать? А он чо, тебе и не сказал? Ну хошь, сам чокнутую спытай, она тебе сразу доложит, вона идет – спроси!

И он довольно засмеялся своей шутке...

...Ольга вернулась в свою комнату, долго сидела перед старинным комодом, а когда слезы кончились, вытянула из нижнего ящика заветную шкатулку. Небольшое фото, где маменька сидит в кресле, а папенька, такой строгий, в черной тройке, положил ей руку на плечо – это они в салоне на Невском фотографировались. Колечко с голубым камнем – тетушка из Тобольска подарила, сказала: изумруд счастье приносит и силы дает. Лента шелковая – это Алешин подарок, он сам букет перевязал. Фото Алешиного у нее никогда не было. И ни одной записочки от него не осталось, да и было-то той весной всего две. Еще в шкатулке лежали папенькины письма, документы всякие – они давно уже без на-

добности, но это всё, что осталось у нее от прошлой жизни. Остальное – в памяти и в снах. И она всегда так счастлива, так благодарна Богу, когда он дарит ей такие сны. Как сегодня, когда приснился Алёша, её Алёша, её суженный – как живой, совсем рядом, совсем близко.

Господи, дай мне еще раз увидеть его, дай прикоснуться к нему хоть на мгновенье! Этот мальчик соседский так похож на Алёшу, такой же беленький, сероглазый, улыбчивый – словно это их сын. Прямо копия отец, только росточком поменьше. Так бы и глядела в его очи, вспоминая Алёшу, так бы и ласкала, прижав к груди! Она положила шкатулку на место, задвинула ящик, привычно глянула в окно, где раньше видны были горы, а теперь все закрыла громада ДК, перекрестилась дважды, пошла к двери...

– Бабка, говори, где клад зарыт?! – заорал я что есть мочи, когда старуха стала спускаться с крыльца, повернувшись задом и нащупывая непослушными ногами ступеньки. Она мигом слетела с крыльца и с диким воем кинулась ко мне. Мы с Серегой рванули по домам.

Юра сидел за столом и что-то рассказывал маме. Она наливала ему суп. Загадочно улыбаясь, погладила меня по затылку: «Мой руки и садись есть».

– Вот прямо под камнем и лежит, – досказал брат.

Я кинулся обратно в комнату:

– Что лежит, что?!

– Клад старухин, что же еще! – важно протянул Юра. –

Под нашим домом. Сейчас в школу сбегая по делам и по-
лезу. А ты не вздумай, фингал получишь!

Он ушел. И я мгновенно понял, что нет на свете такой си-
лы, которая сможет меня удержать. Я не буду Юранду ждать!
Для него кружок рисования важнее – ну и пусть его! Я пер-
вый найду клад!

...Под домом было темно и пыльно. Я с трудом протис-
нулся в узкий лаз, постоянно стучаясь затылком. Серега све-
тил мне фонариком, но все равно ничего не было видно. Во-
няло гнилым чесноком. Руки наматывали на себя паутину,
нащупывали какие-то банки, обломки кирпичей, куски ис-
тлевших тряпок. Я полз вперед, лаз все расширялся, в башке
звенело.

– Давай сюда фонарик! – крикнул я Сереге. – Сам светить
буду!

– Можно и я к тебе? – попросился Серега.

Но я для себя уже решил: кто найдет – того и будет. И
совсем не собирался ни с кем делиться. Стоп! Дальше нету
хода. Нос уткнулся в огромный камень. Поднял лицо и – не
поверил своим глазам. На валуне желтел клочок бумаги.

Я орал так, что перепуганный насмерть Серега мигом вы-
дернул меня на свет. И потом кричал вместе со мной:

– Наа-шлиии!

Словом, зря мы не поверили про сокровища. В записке
так и было написано: «Клад лежит под этим камнем». Буквы
были старые, с ятями, написано ровно, крупно, бумага вы-

цвела от старости, твердая, как пергамент, тронь – и рассыплется, сломается.

– Я клад нашел! – влетел я на кухню. – Давайте лопату!

Мама с Юрандой молча переглянулись и – вдруг стали смеяться. Сначала тихонько, прыская в ладошки, а потом вздохнул, всё пытаясь поймать мою руку с запиской. Мама обняла меня, прижала, а брат, торжественно улыбаясь, развернул смятую бумажку и пошел к печке. «Сожжет!» – сжалось у меня все внутри.

Но он просто аккуратно приложил ее к старой газете, что закрывала у нас печь, когда она не топилась. От газетки был оторван солидный кусок, и записка точь-в-точь совпала с оторванным краем. Я вырвался из маминых рук и убежал в сквер.

При новом ДК был скверик, куда старшая сестра Сереги Терещенко водила своих женихов. Обычно жених, усевшись с Людмилой на скамеечку под деревьями, объявлял конкурс: кто из нас, неотступно следящих и интересующихся малолеток, быстрее добежит до противоположной ограды и обратно. Засекал время, и мы мчались, словно гнался кто, словно это вопрос жизни или смерти был.

А однажды я споткнулся и упал на старте, а когда поднялся, увидел, что Серега, Надежка и Аньча уже скрылись за поворотом, а парень всю зацеловывает нашу Людмилу. На завтра жених снова пришел, но мы уже не дали ему прохода, задразнили хором. Им пришлось с Людкой пожениться и

сразу уехать в Свердловск...

Однажды в марте, когда были весенние каникулы, у меня заболел живот. Врачиха помяла его и заявила, что срочно нужна операция. Мама перепугалась, но виду не подавала, и когда вела меня через этот скверик в больницу, всё рассказывала что-то смешное. Я успокоился совсем и даже не пикнул в белой комнате, когда из пальца брали кровь. Пожилая женщина с силой давила на мой палец, а вторая мыла руки в раковине и зевала, глядя в окно: «Во, старуха какая-то ревмя ревет, идет заливается», – лениво протянула она.

Я вытянул шею и увидел, что это моя мама, моя самая молодая и самая красивая на свете мама, идет по скверику, прямо по грязным лужам, сгорбившись, с перекошенным от слез лицом...

Нет, мама не могла так подшутить надо мной – это все Юранд! Ну, я ему отомщу, что-нибудь тоже придумаю, впереди еще целое лето!

...Впереди было еще целое лето. Наверное, самое счастливое лето в моей жизни. Я помирюсь с братом. Найду на огороде три старинных монетки. Съезжу в пионерский лагерь на целый месяц. Мы купим радиолу и шесть пластинок.

Потом мы всем двором будем рисовать открытки, много-много открыток. И на нашей станции впервые остановится скорый поезд Пекин-Москва, а мы встанем в шеренгу: белый верх – черный низ, сатиновые галстуки отглажены, и желтолицые китайцы с глазами-щелочками возьмут наши

открытки в столицу на первый в мире фестиваль молодежи.

Потом я пойду в пятый класс и сяду с Танькой Казачинской за одной партой. Мы будем бегать на Пышму еще и в сентябре, и Юра научит меня плавать. Как-то вечером мы заберемся на крышу сарая и будем долго-долго смотреть вверх, пока не увидим, как махонькая звездочка медленно проплывет по небу, посылая нам свое «бип-бип».

А потом выпадет снег. И однажды родители разбудят меня среди ночи, и все выбегут во двор, и небо будет полыхать разноцветными полосами, а папа скажет маме: «Чтобы на Урале и северное сиянье – быть такого не может!»

Сумасшедшая бабка Ольга будет кружиться по двору, здоров кверху лицо и громко крича:

– Я люблю тебя, мой Камышлофф!

* * *

А как встанет день-деньской
Пред моею, пред тоской,
А за мною – ночь темна,
Мрачной памяти полна.

А как брызнет солнце светом,
Наплевать на всех и вся —
Я уйду один с рассветом,
Запах дома унося.

А забьется ветер в спину —
Ты веди меня, веди!
Словно груз какой-то скинул
И оставил позади...

Чай с малиновым вареньем

Настоящий мужчина должен родить сына, посадить дерево и написать книгу – так, да? Сын вырос, стал юристом, чем я очень горжусь, тополь зеленеет, книга... А что вы держите в руках? Она, надеюсь, когда-нибудь подойдет к концу. Рассказать вам про дерево?

Растет мой тополь на улице Уральских рабочих в городе Екатеринбурге. Лет тридцать назад мы встретились. Я узнал его. Теперь-то я, конечно, не узнаю. Да и он меня, видимо, тоже, хотя у деревьев век дольше, да и память тверже. Но против бензопилы даже и его память слабовата.

...Меня не любили в школе. Не любили за эгоизм, общительность, трусость, остроумие, оригинальность и слабосилие – за все сразу. Класс был интересный – до сих пор многих помню.

Я сидел за одной партой с очень аккуратной девочкой: косички на ленточках, мордочка чистенькая, фартучек всегда глаженный. Хорошая девочка, отличница. Люба Кокшарова. Иногда она смотрела на меня не так, как на всех: удивленно и, похоже, понимающе. А сзади сидел второгодник Миша Ивкин, который тыкал в меня иголкой и равнодушно смотрел, как я реву. На перемене я выкидывал из парты его чемоданчик, разбрасывал под ноги учебники с тетрадками, и он снова тыкал меня иголкой и равнодушно смотрел в окно.

На мою соседку он смотрел совсем не равнодушно, не так, как на других...

В шестом классе меня избрали председателем совета пионерского отряда, и жить стало совсем ужасно. Класс вмиг забыл про рыхлого плаксу Сашу Ложкина, и я принял весь заряд мальчишеской злобы, которой совсем немало в таком возрасте.

Несколько раз меня собирались бить, но я как-то умудрялся улизнуть через окно в туалете. А это злило их еще больше. Приходил я в школу к самому звонку, уходил, когда снимали осаду ожидавшие меня «друзья».

В конце концов, дома узнали об этом. Помню, я с каким-то злорадным удовольствием вылил ушат грязи на своих одноклассников – все, что накопилось. Отец с матерью слушали внимательно, не перебивали. Когда я засыпал, свет у них горел и, наверное, долго горел в ту ночь. А утром отец пошел со мной в школу – в полной форме, со всеми регалиями, готовый к классному часу на воспитательную тему. Он говорил о дружбе, о взаимовыручке...

Меня оставили в покое. И это было еще хуже, потому что со мной не разговаривали, меня сторонились. Мной просто-напросто брезговали. Все! Люба Кокшарова иногда смотрела на меня удивленно и, похоже, понимающе, но в ее глазах появилось еще одно – жалость. Почему? Я тогда этого не понимал...

Ивкин теперь колот булавкой Ложкина. Седому, полусле-

пому мальчику-альбиносу все так же мазали парту чернилами. Девчонок дергали за косички. Учителям подкладывали кнопки на стул. Класс жил своей жизнью. Без меня.

Однажды на перемене ко мне подошел Коля Юрьев – здоровый и на удивление тихий двоечник.

– Хочешь, пойдем сегодня ко мне домой? – спросил он.

Я так отвык от нормального общения, что даже не спросил зачем – кивнул.

Колькина мать сразу усадила нас за стол, накормила удивительно вкусными пирожками с картошкой. Потом Колька повел меня в свою комнату. Я ахнул. На стене висела лосиная морда с огромными рогами, в углу стояла двустволка, сохла на полу палатка, какие-то похожие на сапоги валялись ботинки, бинокль, гильзы на подоконнике.

– Это все твое? Колька, неужели это все твое!?

– Мы с батей охотники, – солидно ответил Колька. – Да это что! Батя сказал, что лодку надувную четырехместную купит, если в седьмой перейду. – Он помолчал. – Я тут с физичкой переговорил, она обещала трояк вывести за год. Геометрия... фиг с ней. А вот если еще по литературе пара будет – накрылась лодка. А завтра последний урок. Давай позанимаемся, а? Летом на охоту поедем – слово даю!

До половины одиннадцатого вечера Колька кружил по половицам, старательно зазубривая:

Белая береза под моим окном

Принакрылась снегом, точно серебром.
На пушистых ветках...

На этом месте он обычно спотыкался, и я снова и снова гонял его по комнате. Стоило ему запнуться, я заставлял его начинать все с начала, хотя видел, что он совсем отупел, что он ничего уже не соображает и не видит ничего, кроме мельтешащих половиц под ногами. Я тоже ничего не видел – я, я один сидел с ружьем в руках посередине надувной четырехместной лодки...

Учительница литературы очень удивилась, когда Коляка поднял руку – такое было впервые.

– Юрьев?

Он вышел к доске, сказал «с пафосом», как я вчера его учил: «Сергей Есенин. Белая береза».

Потом устался в пол и замолчал. Я видел, как он склоняет голову то вправо, то влево, пытаюсь заставить кружиться половицы и силясь хоть что-нибудь вспомнить.

– Что ж ты, Коля? Такое короткое стихотворение. Достаточно прочитать его внимательно, представить себе зиму, и оно стихотворение – понимаешь, само – осталось бы в твоей памяти. Садись!

По тригонометрии у него тоже вышла двойка. Физичка не сдержала своего слова, и Колюку Юрьева оставили на второй год...

Это было 50 с лишним лет назад, а мне до сих пор стыдно.

И за то, что с Колей Юрьевым получилось, и как с Толькой Жиряевым... Мы с ним катались на плотах в котловане. На самой середине Толькин плот перевернулся. Пока я подбирался к нему, он уже сам вылез. Было начало апреля, одежда его сразу схватилась, встала колом. Мы побежали к дому, но Толька сказал, что мать убьет его. «Лучше к чужим», – он смотрел на меня, и синие губы его тряслись. «Ага, к чужим лучше», – согласился я и повел его в сторону от своего дома. Какая-то тетка пустила нас, заставила раздеться, разложила на печи заледеневшую одежду, налила горячего чаю.

Мне почему-то тоже с малиновым вареньем...

* * *

Я сижу у самой воды,
Всё, что было со мной, забыл.
Я сижу просто так – вот и всё.
Что-то завтрашний день принесет?

Просто так сидеть – ерунда,
Пусть сегодня с тобой беда,
Ты бы лучше считал круги —
Сам чем можешь себе помоги.

Я сижу у самой воды,
Всё, что было со мной, забыл.

Я считаю круги на воде —
Не уверен в себе и в тебе.

В первом отряде

Мне уже тринадцать, и меня отправляют одного в пионерский лагерь, потому что брата недавно приняли в комсомол, и теперь у него совсем другие интересы, он смотрит презрительно на мои сборы, а я завидую ему, хотя внутри где-то нет ни страха, ни обиды, потому что один – это свобода, и первый отряд – это самые старшие, у меня будут новые друзья, которые уже много знают, и о девочках можно говорить с ними совершенно свободно, и когда автобус трогается, я уже знаю, что целый месяц буду взрослым, а когда вернусь – еще взрослее и опытнее во всех отношениях, и в доказательство нас, старших, селят в отдельный корпус, на самом берегу озера Балтым, недалеко от дачи маршала Жукова, куда мы втроем сорвемся в первый же вечер, проберемся к такому красивому терему и будем восторженно и молча глядеть через окно на огромный зал с гигантским камином и зеркалами до потолка, пока нас не спугнет громовой голос:

– Здесь нельзя ходить! Ну-ка, пионеры, кругом – марш!

Дяденька покажется нам великаном, а его собака бешеной коровой, и мы помчимся к себе в лагерь, все трое – Колька Балдашкин, я и красивый мальчик Мишель со странной фамилией Бардюже, а завтра всё пойдет по расписанию – уборка постелей, зарядка, подъем красного флага, завтрак и прочие пионерские дела, вроде юннатского ухода за кроли-

ками, но это пустяки, совсем не трудно – почистить клетки, нарвать травы, шугануть мелюзгу из второго и третьего отрядов, как вчера нас шуганул охранник дачи, потом подобрать шишки на дорожках, и всё, мы свободные птицы, «личное время», сказала вожатая Вера Максимовна, «а после обеда будем готовиться к концерту, в воскресенье приедут родители», и мы, мигом сдружившаяся троица, пойдем за лагерь собирать черную смородину на кисель для столовой, и там станем шептаться, строить планы и всякие каверзы, вечером зубной пастой девчонок мазать – это обязательно, а в обед... ууу, здорово ты придумал, и мы, сговорившись, садимся вразброд, через три человека, за длинный стол, и каждый поднимает свой край клеенки, получается длинный желоб, и незаметно сливаем туда кисель, который тут же оказывается на другом конце стола, на коленях у зазевавшегося пацана, плаксы и неумехи, неизвестно как попавшего в наш первый отряд, и лишь тогда, получив полное удовлетворение, с абсолютно невинными лицами встаем под шумок из-за стола, говорим «спасибо» подавальщице тете Маше и идем помирать от хохота на улицу, поближе к летней эстраде, где будет сейчас репетиция, а завтра еще одна, и три плотных ряда – первый отряд в полном сборе, впереди самые маленькие, потом самые высокие, а третий ряд стоит на длинной прочной скамейке – мы будем разучивать песню, «выбирает репертуар району, а не педучилище и не я», скажет Вера Максимовна, и наш хор вразнобой поведет за ней припев на-

чальственного выбора:

– Синенькие трусики, голубые майки!

А Валеркин бас будет слышнее всех, «мы пойдем на пляж, голышами ляжем» он будет выводить старательно, выпячивая верхнюю губу с пробивающимися черными усами и не сводя влажных глаз с Веры Максимовны, мы уже слышали не раз, как он обращается к ней по делу и не по делу, долго тянет «Вееера», потом вроде как заикается от волнения и едва слышно добавляет «Максинна», а она сейчас дирижирует руками, и вся в этой песне, а в середину второго ряда, где стоит Валера, совсем не смотрит, обращается в основном к девочкам, и когда репетиция, наконец, заканчивается, обещает, что с понедельника начнем разучивать прощальную пионерскую «Гори, костер, поярче», а спустя три дня приходит воскресенье, ко всем приезжают родители, и мы выступаем перед ними со сцены, поем про синенькие трусики и голубые майки, и нам хлопают, а после концерта я ем черешню прямо с расстеленной папиной плащ-палатки, и мама говорит, что я уже успел загореть и поправиться, и потом они смотрят с умилением на кроликов, за которыми я ухаживаю, целуют меня на прощанье, а я мечтаю, чтобы родительский день был и завтра тоже, но еще сильнее – чтобы завтра стало вдруг жарко и нам разрешили купаться, потому что дни стоят холодные, и нас просто выводят на берег, и мы стоим на деревянных мостках, смотрим на воду, беситься нельзя, Вера Максинна сказала, что каждый отвечает за всех, и если один

провинится, завтра весь первый отряд будет лишен прогулки к озеру и целый день просидит в корпусе, а это невыносимо, потому все черные-пречерные сказки про черный-пречерный дом давно рассказаны, и боятся их только девочки, а они в другом корпусе, и потому мы стоим на мостках смиренные и послушные, как юннатовские кролики, и слушаем Веру Максинну, рядом с которой молчаливый и мощный Валера выглядит совсем взрослым дядей, и ему даже не надо показывать нам кулак, потому что каждый отвечает за всех, а все – за одного, я это прекрасно понимаю и смотрю молча в воду, и вдруг... да нет, откуда ему там взяться? – нет, точно он, на самом дне, недалеко от мостков, светится серебром перочинный ножик, и я сразу понимаю, что надо застолбить находку, и кричу:

– Ой, я ножичек уронил!

И все притискиваются ко мне, и вглядываются в темно-зеленое от водорослей дно, и начинают спорить, ножик там лежит или нет, и я клянусь «честным пионерским», машу руками и показываю всем, как его обронил, а Колька Балдашкин, еще друг называется, вдруг говорит:

– Да не было у тебя никогда такого ножика!

Но тут Вера Максинна разрешает мне зайти в воду, «только по колено», а я не достаю, далековато от берега, и все пробуют зацепить ножик удилищем, но тоже бесполезно, и тогда Валерка молча раздевается до синих трусов и, не спрашивая у вожатой разрешения, прыгает в воду, ныряет с го-

ловой, потом медленно идет обратно к мосткам, разжимает ладонь и молча кладет на доски дохлую серебристую рыбку, а никакой вовсе не ножик, и Валерке все протягивают руки, он залезает на настил, и его верхняя губа дрожит, капельки воды на усах трясутся, а вожатая Вера Максинна снимает с себя кофту и накидывает ему на плечи:

– Замёрзнешь, Валерочка! Пойдем в корпус...

И все тянутся за ними, весь первый отряд, кроме меня, потому что у меня одно-единственное желание – утопиться, и я бы так и сделал, но только знал твердо, что если сейчас прыгну в озеро, Валерка еще раз нырнет и спасёт меня, вытащив за волосы, и будет только хуже, хотя хуже не бывает, потому что всё, жизнь кончилась...

А это всего лишь кончилось детство.

* * *

И напрасно всё, жди – не жди,
Надо мною одни дожди,
Надо мною белый туман,
Подо мною вода – обман.

И напрасно кричишь, зовешь,
Что прошло, того не вернешь,
Пусть один ты – и тенью грусть,
И вообще пусть всё будет, пусть...

Старый папин портсигар

В Первой 1960-го года над Свердловском, в котором тогда жила наша семья, сбили американский самолет. Папин

приятель, майор, командир ракетного дивизиона, мог бы получить Героя, но первая ракета попала в наш же истребитель, который не успел выйти из зоны поражения, и майор Воронов за сбитого Пауэрса получил только Красную Звезду. Обмывали и этот орден, и папин юбилей. Воронов подарил ему на 40-летие портсигар.

Портсигар этот лежит сейчас передо мной. Уже малость потертый, но еще вполне пригодный. На хромированной крышке выдавлен Петр Первый – таких много выпускалось в то время. Ровно полвека этому подарку.

Время тогда было веселое, счастливое. В космос слетал Гагарин, на Кубе – революция. Я учусь в шестом классе, и на пионерских сборах мы учим песню про чеканный шаг барбудос и остров зари багровой. Костя Поскалов сочиняет стихи в школьную стенгазету:

Куба! Фидель!
Сколько дрались вы недель —
Но отстояли вы свободу,
Сбросив ненавистную колоду!

И еще про интернационализм, китайских раскольников и мир во всем мире:

Как вкусен рассыпчатый дружкой рис —
Я бы сырым его грыз и грыз!

Все ему завидовали. Потом он мне скажет, что одна девочка даже разрешила поцеловать себя – «только за стихи и только в щечку».

Когда папу отправили служить в Южную Группу войск, портсигар он, конечно, взял с собой в Будапешт. Там он работал день и ночь, мотался по командировкам и без конца смолил свой «Беломор». Скучал по семье. Мама должна была приехать к нему осенью 1962-го, а мы с братом остались бы дома, с бабушкой. Но получилось несколько иначе...

Агрессивные круги США готовят новое вторжение на Кубу с целью ликвидации революционного государства на американском континенте. Еще в марте 1961 г. Джон Ф. Кеннеди, только что ставший президентом, санкционировал высадку десанта кубинских контрреволюционеров в заливе Кочинос. Более 17,5 тыс. наемников были разгромлены в течение трех дней, около тысячи из них попали в плен. В августе 1961 г. Дж. Ф. Кеннеди задумал новую операцию против Острова Свободы. План «Мангуста» предусматривал два этапа: август-сентябрь 1962 г. – подготовка антикастровского «повстанческого» движения на Кубе; октябрь – «народное» восстание при поддержке американских спецслужб и войск с высадкой десанта.

(Из советских газет)

Однажды он очень поздно вернулся из очередной коман-

дировки. Комната в офицерском общежитии была выстужена, вся какая-то пропахшая сапожной ваксой, затхлой бу-мажной пылью. Горячей воды в душе нет. Еды – ни крошки. Правый сапог жмет. Он включил лампу, сел за стол, достал из планшетки чистые листы и сел писать письмо жене.

«Дорогая моя! Ты не волнуйся, все у меня хорошо. Вчера приглашали к себе Максаковы, был шикарный стол, до сих пор есть не хочется. Много смеялись, тебя вспоминали. Привет тебе от них огромный. Как у тебя здоровье? Почему так редко пишешь? Получила ли ты деньги, что я послал? Я тут на довольствии, так что еще и остается. Куда мне тратить без тебя? Вот приедешь, и купим тебе новое пальто, да и ребятам надо много из одежды. Как у них учеба идет? Пиши все-все подробно. Мне интересна каждая мелочь, каждый прожитый тобой день. Целую. Твой Володя».

Подумал: стоит ли? Решил, что стоит, и дописал: «Завтра иду на дежурство на сутки». И поставил дату: «26/X 1962».

Запечатал в конверт, надписал адрес, достал из портсигара папиросу, затянулся. Живот подводило от голода, но после второй «беломорины» организм сдался, перестал недовольно урчать. Только тогда он снял сапоги, портупею, разделся и лег в холодную постель, накрывшись с головой жестким солдатским одеялом...

Назавтра утро было теплое, но туманное. Осень в Венгрии – совсем не то, что на Урале. Умылся по пояс холодной водой, пошел завтракать, благо все в военном городке рядом.

Особенно засиживаться в столовой было некогда. Без десяти восемь уже доложил в штабе. С адъютантом, молодым старшим лейтенантом с коровьими глазами, спустился вниз по лестнице, прошел по длинному коридору, еще спустился на пролет, опять коридор – и оказался в бункере. Это и есть командный пункт Южной Группы войск. «Яма», как ее называли офицеры втайне от начальства.

Всё: майор Королев дежурство принял. Выйдет отсюда он только 28-го октября.

14-го октября 1962 г. самолеты американской разведки обнаружили на Острове Свободы советские ракеты. Пентагон объявил боевую готовность. Министр обороны США Р. Макнамара предложил нанести воздушный удар 50 самолетами по пусковым площадкам советских баллистических ракет, развернутых на Острове Свободы. В обращении к нации 22 октября президент США Джон Кеннеди заявил о начале морской блокады Кубы.

(Из советских газет)

«Яма» – это, можно сказать, обычная трехкомнатная квартира, только закопанная глубоко в землю. «В условиях термоядерной войны, если империалистам удастся ее развязать...» Словом, никакая бомба не возьмет. Сверху метров десять-пятнадцать, и бетонные стены метровой толщины во круг. А связь с миром – по проводам. Десятки кабелей со-

единяют бункер старшего оперативного дежурного ЮГВ с важными и нужными абонентами – от адъютантской в соседней комнате до дежурного Генштаба всех Вооруженных Сил страны.

Он поднял трубку красного телефона, доложил Москве, что дежурство принял. Раскрыл журнал, записал туда то же самое. Полистал старые записи, увидел знакомые фамилии – Петя Максаков, Пикалов, Федя Касьянов, Ляпин... Друзья посмеивались: «Первый раз на дежурство идешь? Вот и отдохнешь там от своих командировок. И поспать есть где, и обед тебе принесут. Днем звонков мало, а ночью вообще тишина, как... как в „яме“!»!

Он встал из-за стола, подошел к стене, еще раз перечитал обязанности дежурного, которые знал наизусть. Открыл дверь в комнату командующего. Там ковры, диваны кожаные, стулья мягкие. Заходить не стал, не положено.

Дежурному положен топчан, шинель и планшетка под голову вместо подушки. На ночь можно разуться. Курить не положено, но начальство закрывает глаза на это – вентиляция здесь отличная.

Закурил. Это была его вторая папироса после завтрака. Утром на всякий случай купил в военторговском буфете еще две пачки: запас солдатского кармана не тянет.

Осмотрел на столе все телефоны. Их шесть. Черный без диска – это в адъютантскую. Но оттуда звонят чаще, чем туда. Если пойдет проверяющий, сообщат. Но не было еще слу-

чая, чтобы оперативного дежурного кто-то проверял, а командующий сюда никогда, наверное, и не спускался. «Яма» – это на случай войны, запасной командный пункт.

Красный телефон – прямой провод ВЧ с Москвой. Он потребуется только один раз – сообщить, что дежурство принял. Это уже сделано. Четыре остальных аппарата бежевого цвета – связь с самыми крупными соединениями: ПВО, летчики, танкисты, разведка... По этим телефонам можно быстро соединиться с любым городом Венгрии, где стоят наши части. Тоже не потребуются.

Глянул на циферблат – вот, осталось-то всего 23 часа дежурства! Днем можно будет еще одно письмо в Свердловск написать – как они там?

В субботу министру обороны СССР Малиновскому предстояло принять самое серьезное решение с момента начала кризиса. Около 9 часов утра по московскому времени в Министерство поступила от генерала Плиева зашифрованная телеграмма:

«Командование ВВС США отдало приказ привести в полную боевую готовность свои стратегические военно-воздушные подразделения. Воздушный налет на наши установки на Кубе состоится в ночь с 26 на 27 октября или в течение 27 октября. Мы решили, что в случае воздушного нападения США на наши установки мы примем все возможные меры противовоздушной обороны».

Полчаса понадобилось Малиновскому, чтобы все

обдумать и одобрить решение Плиева о применении силы в первом столкновении сверхдержав в период холодной войны. В 11–00 утра он подписал шифрограмму Плиеву на Кубу и в Кремль: «Предлагаю согласиться».

(Из книги А. Фурсенко, Т. Нафтали «Секретная история Карибского кризиса 1958–1964»)

В «яме» было абсолютно тихо. Едва слышно шумела вытяжная вентиляция. Он снова полистал журнал – никаких происшествий. Вот, единственное: «Протечка крана в комнате отдыха командующего, Устранено». Полгода назад, на дежурство Максакова выпало.

Правый сапог жал. Разулся, пусть ноги отдохнут. Сел за стол. Начал писать своим новое письмо: «Дорогие мои! Как же я по вас соскучился! У вас еще ночь, а я сейчас нахожусь на службе, появилась свободная минутка, и так захотелось поговорить с вами...»

Написал целую страничку отдельно сыновьям. Просил их помогать маме, беречь ее здоровье. И, конечно, учиться хорошо.

Вспомнил все детали и закоулки первой в жизни отдельной квартиры на улице Уральских рабочих. Сколько было радости, когда переехали! Сколько планов! И какое счастье, что квартира такая чистая, ремонт еще года три не потребуется. Как раз он вернется в Союз, и все с Анёшкой сделают! И сыновья помогут. А что? Обои клеить – пора им

учиться и этому, обязательно в жизни пригодится...

«На подлете к Гуантанамо замечен американский самолет-разведчик U-2. Отдан приказ уничтожить его. Пуск был осуществлен в 10:22 по местному времени. Самолет сбит, пилот погиб. Примерно в это же время другой U-2 был обнаружен над Сибирью: начальник штаба ВВС США генерал Лемэй пренебрег приказом президента Джона Ф. Кеннеди прекратить все полеты над советской территорией».

(Из газет)

Когда он вернется, ему будет что рассказать сыновьям. А может, повезет – и Юрик с Витиком приедут на лето сюда. Вот было бы здорово! Ох, скорей бы Анёшка приезжала... Она в жизни такого изобилия в магазинах не видела! Поднакопим денег, и пусть ходит с подружками, меряет кофты. Вера Максакова ей все покажет, они здесь уже третий год. Интересно как, шесть лет уже прошло после событий 56-го, а в центр города по одному до сих пор не разрешают выходить. И в военной форме нельзя. Злые они, мадьяры. Петя Максаков рассказывал, что в позапрошлом году мальчишку нашего мадьяр вилами заколол прямо возле городка, тот вишню его рвал. Сейчас, конечно, поспокойнее стало...

Он дописал письмо. По привычке поставил дату. Запечатывать в конверт не стал – может, потом еще что-нибудь вспомнит. А сейчас – еще одно дело. Зря, что ли, он в ко-

мандировку ездил? Весь блокнот исписал. Есть из чего статью сделать. В прошлом месяце два его материала прошли в «Красной Звезде», а там совсем не просто опубликоваться.

И до обеда работал над статьей. Портсигар наполовину опустел. Только успел точку поставить, как звякнул черный телефон.

– Товарищ майор, обед нести? – спросил адъютант.

Все по-армейски предусмотрено. Обед по расписанию, уставом предусмотрено.

Тяжелая железная дверь открылась. Старший лейтенант, покосившись коровьими глазами на стоящие у топчана сапоги, поставил на стол обед, козырнул, молча вышел.

Через час старший оперативный дежурный ЮГВ майор Королев уже лежал на топчане, накрывшись шинелью. Только сон никак не шел ему. Вспоминал, как его призвали в 39-м прямо из учительского института. Как не хотел оставаться в армии, а его не отпустили. Как всю войну прослужил на Дальнем Востоке, и про тот первый бой с японцами в 45-м, за который получил орден Красной Звезды, – тоже вспомнил.

Теперь осталось всего два года отслужить, будет 25 календарных – и можно в отставку, на пенсию военную. «Пойду в школу учителем...»

С этой мыслью он, наконец, задремал. Еще успел подумать, что поспит минут двадцать. Анёшка всегда удивлялась, как это ему удается: сказал двадцать минут – ровно через двадцать проснется...

«Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнется война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалеёй волос. Я тогда одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле.

Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди... Мы, насколько возможно, приготовили наши войска. По-моему, сделали даже какие-то заявления относительно усиления нашей боевой готовности. Должен сейчас чистосердечно сказать, что это была только демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров. Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны».

(Из «Воспоминаний» Н. С. Хрущева)

Разбудил его телефон. Это был один из четырех бежевых аппаратов. Как был, в носках, метнулся к столу. Поднял трубку, представился.

– Вот что, майор... – голос главного ПВО-шника на том конце провода был какой-то недовольный и даже презрительный. – Доложите командующему: на локаторе неопознанные цели. Пока насчитали пятнадцать. Идут с юга боевым порядком, курс 45. Жду его распоряжений, майор...

И замолчал. Он был старше по званию, и, видимо, ему

было не по себе, что приходится подчиняться майору.

– Подлетное время? – единственное, что пришло в голову спросить.

– Минут шесть-семь. Теперь уже меньше. Жду распоряжений, – повторили на том конце.

– Хорошо. Докладывайте немедленно о любых изменениях обстановки!

И еще не успел положить бежевую трубку, как поднял черную, адъютантскую:

– Срочное сообщение для командующего! Немедленно!

Едва успел записать в журнал о происшествии, как адъютант отзвонился:

– Товарищ майор! Командующий спит, не могут добудиться...

– Как это не могут?! Он что, не в состоянии?

– Не могу знать! Жена ответила: «Сейчас его пушкой не разбудишь». Ничем, говорит, помочь не могу – выходной день...

– А начальник штаба? А член Военного совета?

– Они в командировке в Дебрецене.

Всё, майор Королев! Принимать решение – только тебе.

И на это у тебя – считанные минуты.

Потянулся к бежевой трубке:

– Поднимайте в воздух звено перехватчиков, пусть визуально определяют и немедленно доложат!

– Это приказ командующего? – спросил недовольно глав-

ный ПВО-шник.

– Это мой приказ! – рывкнул в трубку и повторил свое звание и фамилию.

Теперь отступить некуда. Когда вывел в журнале слова «принял решение», понял: только что сам себе подписал приговор трибунала. Достал портсигар, закурил, щелкнул крышкой. В тишине бункера звук был очень похож на щелчок пистолетного курка.

Снял трубку красного телефона. Доложился Москве.

– Вы понимаете всю меру ответственности, майор? – спокойно спросил дежурный Генштаба.

– Понимаю.

– Хорошо. Министру будет доложено. Ждите.

Красная трубка не успела лечь на место, как зазвонил бежевый телефон.

– Перехватчики подтверждают: авиакрыло с опознавательными знаками ВВС США в количестве 15 стратегических бомбардировщиков В-29 на высоте 8 тысяч метров идут прежним курсом, в боевом порядке. В эфир не выходят, на сигналы не отвечают.

Помолчав секунду, голос в трубке добавил без всякого недовольства и даже с какими-то умоляющими нотками:

– Товарищ старший оперативный дежурный, ситуация критическая, надо принимать решение! Немедленно!

Да, теперь уже медлить нельзя ни секунды. Эти бомбардировщики способны нести ядерное оружие. И наверняка

несут его. Это значит, что... Он должен принять решение.

– Полку – боевая тревога! Все истребители – в воздух! Огня не открывать! Не дайте им перейти границу! Устройте им карусель, сломайте строй!

– Ну, смотри, жить-то тебе! – хмыкнула трубка. – Может, и увидимся еще. А может, и нет. Удачи тебе, майор!..

В комнате дым стоял коромыслом. Он раскрыл портсигар, прежде чем позвонить по красному телефону. Портсигар был пуст. Достал вторую пачку «Беломора», закурил. Одной рукой делая записи в журнале, поднял красную трубку.

Дежурный Генштаба выслушал доклад спокойно.

– Вас понял. Министру доложено о вашем самоуправстве. И лично я вам не завидую. Еще вопросы есть?

– Есть. Мне нужен квартирный телефон в Свердловске. Прямо сейчас.

– Не положено. А впрочем... Диктуйте номер.

Прошло, наверное, минуты полторы, прежде чем он услышал сонный голос жены.

– Аллю!

– Анёшка, это я! У меня всего одна минута. Как вы там? Как ты? Как ребята?

– У нас все хорошо. У тебя ничего не случилось?

– Всё нормально! Только соскучился очень! Всё, больше не могу говорить! Целую вас, родные мои!

Он положил трубку, и в комнате стало тихо, как... как в «яме». Он снова закурил. Буквально в несколько секунд вы-

сосал папиросу и тут же достал новую.

Звякнул бежевый телефон:

– Докладываю: самолеты США легли на обратный курс! Они по-вер-ну-ли! Мои ребята им такую карусель устроили! Слышь, майор?!

Честно признаться, дальше он уже не слушал. Он торопился записать сообщение в журнал. И когда закончил, доложил Москве. Вот и всё. Он сделал свою работу. Теперь можно и сапоги надеть...

«В полдень на даче в Ново-Огарево состоялось заседание Президиума ЦК КПСС в расширенном составе: все члены, кандидаты в члены и секретари ЦК. Хрущев в мрачных красках описал опасность: „Мы оказались лицом к лицу с угрозой войны и ядерной катастрофы, в результате которой может погибнуть человеческая цивилизация. Чтобы спасти человечество, мы должны отступить. Я собрал вас всех, чтобы посоветоваться и обсудить, согласны ли вы с такого рода решением“.

В 16–00 министр обороны СССР Малиновский приказал генералу Плиеву начать демонтаж пусковых установок на Кубе. Карибский кризис закончился».

(Из книги А. Фурсенко, Т. Нафтали «Секретная история Карибского кризиса 1958–1964»)

...Прошло пять лет. В 1967 году мой папа в звании подполковника уволился из армии и стал школьным учителем,

как с юности мечтал. Я был уже студентом, когда однажды он застукал меня у форточки с сигаретой.

Папа ничего не сказал, молча вышел из комнаты. Через минуту вернулся, положил передо мной на стол портсигар. Обычный портсигар, на крышке выдавлен Петр Первый, медный всадник.

– То, что ты стал курить, – это плохо, – сказал папа. – Но то, что ты таишься, – еще хуже. Не кури, сынок, ничего в этом нет хорошего. Я начал дымить на войне, и, как ты знаешь, вот уже пять лет не курю. Бросил раз и навсегда. Рассказать, как это было?

И он рассказал мне эту историю про свое дежурство в штабном бункере Южной Группы войск.

– Я вышел тогда из «ямы» и решил закурить. Открыл портсигар, а в нем всего две папиросы – всё, что осталось от трех пачек. Они и сейчас там лежат. Хочешь, тебе портсигар подарю? Только пообещай мне, что никогда не будешь курить!

– Пап, так получается, что ты третью мировую войну предотвратил? Это же подвиг! Ты – герой! И тебя же еще они хотели наказать? А чем дело кончилось, расскажи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.